

УДК 327 (476:4-470)''1921/1929''

Боровская О.Н., кандидат исторических наук, Институт истории НАН Беларуси, (Республика Беларусь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЭВАКУАЦИОННОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ 1921–1929 ГГ.

В статье рассмотрена работа Смешанной польско-российско-украинской реэвакуационной и специальной комиссии в 1921–1929 гг., ее белорусская проблематика, обращено внимание на прямую связь ее деятельности с общим состоянием советско-польских отношений. Исследование проведено при использовании принципов историзма и объективности, специально-исторических методов, на основе широкой источниковой базы. Большинство использованных исторических источников была впервые введена в научный оборот. В ходе многочисленных заседаний комиссии были озвучены реэвакуационные претензии, представлены необходимые документальные доказательства. Частично требования сторон по возвращению того или иного имущества были удовлетворены, либо же компенсированы за счет соответствующих эквивалентов. На территории Беларуси Смешанная реэвакуационная и специальная комиссия была представлена в рамках ее частей: подкомиссии по делам промышленности, имущества частных лиц, библиотечно-архивной подкомиссии, функционировании Комитета по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНХ РСФСР. Процесс реэвакуации имущества согласно статьям Рижского мирного договора спровоцировал стремление белорусского советского руководства вернуть промышленные предприятия и архивные фонды, эвакуированные в начале Первой мировой войны, и находящиеся на тот момент на территории других Советских республик.

Ключевые слова: реэвакуация, Смешанная комиссия, архивное наследие, реституция, Комитет по реэвакуации иностранных предприятий.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-23-31

Введение. Подписание Рижского мирного договора и других международно-правовых актов в феврале-марте 1921 г. польской и российско-украинской делегацией не принесли желаемого умиротворения и стабилизации в восточноевропейский регион. Длительный этап практической реализации основных статей договора, связанный с работой смешанных комиссий, желание сторон отказаться от его выполнения, состояние перманентного конфликта в приграничном регионе (до момента создания постоянного пограничного корпуса), состояние враждебности и недоверия в обществе и руководстве сторон привносили во взаимоотношения Польши и Советских республик напряженность, которая могла вылиться в новое военное столкновение.

Работа Смешанных комиссий, созданных для осуществления репатриации и оптации населения, обмена военнопленными и интернированными лицами, реэвакуации предприятий и другого имущества, проведение пограничной линии, осуществлялась со значительными задержками, тем самым, нарушая установленные Рижским договором сроки на их выполнение. Особенно это касалось статей финансово-экономического

характера, связанных с возвратом промышленных предприятий, сельскохозяйственных орудий, библиотечных и архивных сборов, культурных раритетов. Нестабильная ситуация на советско-польском приграничье, частые случаи политического бандитизма, наличие в Польше антисоветских формирований и организаций приводили к тому, что стороны фактически продолжали военное противостояние, откладывая процесс мирного регулирования. В итоге Смешанная реэвакуационная и специальная комиссия провела свое первое заседание только в октябре 1921 г., после подписания в Варшаве Я. Домбским и Л.М. Караханом 7 октября «Протокола об условиях выполнения мирного договора» [4, с. 334–335].

Исследование специфики деятельности Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии происходит несколько поверхностно и однобоко. Так в польской научной мысли обращается внимание на вопрос реституции архивных и библиотечных сборов [16; 22; 20]. Польские специалисты впервые ввели в научный оборот рапорт П.Л. Войкова [18], воспоминания З. Мацерского [20]. В 1922–1924 гг. была начата печать отчетов комиссии [15], которые насчитывают девять томов. Также

польские эксперты, участвующие в ее работе, в 1920-е гг. активно печатали свои отчеты и мемуары [17; 23; 14; 21; 19]. Советская, а после российская историография представлена рядом обобщающих работ [12]. Белорусские исследования обращают свое внимание на вопросах реституции архивного наследия, изучению работы в смешанной комиссии М.К. Любавского и В.И. Пичеты [13; 2; 11].

Процесс реализации на практике статей Рижского мирного договора (IX, XIV, XV), реэвакуации предприятий промышленности, железнодорожного имущества, объектов сельского хозяйства, имущества частных лиц, реституции культурных ценностей так или иначе затрагивал интересы белорусского народа. В ходе работы комиссии по выявлению тех или иных объектов специалисты приходили к выводу, что часть предметов территориально и исторически связана не с польским народом, а с белорусскими и украинскими землями. В единичных случаях это приводило к передаче ценностей белорусской стороне.

В рамках исследования происходит всестороннее изучение деятельности смешанной реэвакуационной и специальной комиссии на территории Беларуси в 1921–1929 гг. путем исследования процесса реэвакуации промышленных предприятий и оборудования; характеристики работы Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии по возвращению железнодорожного и сельскохозяйственного имущества; анализа принципов определения территориальной принадлежности архивных коллекций.

Методы. Исследование основано на принципах историзма и объективности. В рамках работы была введена в научный оборот широкая база исторических источников (часть отчетов комиссии, переписка с центральными государственными органами, органами власти БССР; докладные записки и другие материалы официального делопроизводства). При использовании специально-исторических методов (историко-генетического, системного) было доказано, что в работе Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии как с российско-украинской, так и со стороны польской делегаций наблюдалось стремление к уменьшению числа финансово-экономических претензий. Это происходило за счет интерпретирования условий Рижского договора,

нахождения неточностей формулировок статей. В штате обеих делегаций трудилось немало талантливых юристов и других специалистов-экспертов, которые подготовили обширный аналитико-справочный материал. Деятельность смешанной комиссии находилась в тесной взаимосвязи с существующим положением в советско-польских отношениях, что выливалось в многочисленные задержки в ее работе, добавляло противоречий и сложностей.

Результаты. Выполнение основных статей международно-правовых актов, подписанных в Риге, предусматривало создание отдельных смешанных комиссий, которые должны были провести территориальное разграничение, установить пограничную линию между сторонами (пограничная); осуществить реэвакуацию имущества и выплату контрибуции (золотом или другими ценностями); реституцию культурных раритетов (реэвакуационная и специальная); репатриировать военнопленных, беженцев, заложников, гражданских пленников, провести оптацию населения (комиссия по репатриации); решить спорные пограничные вопросы, возникающие между военными и гражданскими властями (военно-согласительная и согласительная комиссия по ликвидации пограничных конфликтов). Работа каждой смешанной комиссии находилась в тесной взаимосвязи с существующим положением советско-польских отношений. Невыполнение финансово-экономических обязательств советской стороной вызывало замедление деятельности комиссии по репатриации, что приводило к приостановке процесса транспортировки беженцев, военнопленных.

7 октября 1921 г. начала свою работу Смешанная реэвакуационная и специальная комиссия. Во главе польской делегации стоял А. Ольшевский, российско-украинской – О.Ю. Шмидт (1 ноября его сменил П.Л. Войков). В ее составе существовало несколько подкомиссий: по делам промышленности, государственных железных дорог, частной железной дороги, сельскохозяйственного имущества, имущества частных лиц (которая не относилась к промышленности), имущество посольств, библиотечно-архивная, музейная. Центрами работы комиссии признавались Москва, с отделениями в Санкт-Петербурге и Харь-

кове, и Варшава. В тесной связи с комиссией находилась работа Комитета по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНХ РСФСР, под руководством С.И. Мрочковского.

Деятельность комиссии была направлена на удовлетворение претензий (или отказе) по реэвакуации того или иного имущества. Каждое требование должно было иметь солидный объем документальных доказательств. Далее оппонирующая делегация, после рассмотрения вопроса с привлечением значительного штата экспертов, осуществления поиска по местонахождению предмета спора, давала официальный ответ о возможности его возвращения. Данный процесс мог длиться годами, даже, если имущество было найдено, не было национализировано, находилось в хорошем состоянии, то с его возвращением могли возникнуть дополнительные сложности с логистикой. Так, например, при реэвакуации в Польшу оборудования графической фабрики Ю.Л. Гиршовича, возникли прения относительно того, кто должен оплачивать упаковку при транспортировке [15].

Как указывает П.Л. Войков в своем отчете, российско-украинская делегация в Смешанной комиссии не спешила с рассмотрением польских требований, даже, если это вызывало нарушение сроков выполнения Рижского договора. Согласно п. 5 ст. XV на процесс реэвакуации имущества полагалось 18 месяцев [3, с. 712]. В основу работы российско-украинской делегации был положен принцип детального изучения статей договора лучшими юристами страны с целью нахождения такой его интерпретации, которая позволяла уменьшить польские финансово-экономические требования, тем самым, сохранив государственное имущество в относительной целостности. Выставление условия по предоставлению широких документальных доказательств правообладания значительно сокращало количество претензий, так как за время многочисленных переездов и военных лет документы либо были утеряны полностью, либо отсутствовала какая-либо их часть. Кроме того, необходимо было подтвердить факт того, что владелец предприятия является гражданином Польши (касательно реэвакуации частного имущества). Часто это было сложно осуществить. Важно отметить, что Рижский мирный договор не содержал в своих условиях каких-

либо санкций по невыполнению тех или статей. Этим в свою очередь активно пользовались как российско-украинская, так и польская делегации.

Еще одним спорным моментом при возвращении промышленного комплекса стал вопрос модернизации. Если после эвакуации фабрики или завода из Польши на территорию Советских республик, она продолжила свою деятельность, ее оборудование было модернизировано, то она не могла быть реэвакуирована. Но случались исключения. Так, например, происходило с фанеро-лесопильным заводом М.М. Чуднера, который до 1915 г. располагался в Микошевичах, и был эвакуирован в Мозырь, частично Гомель. Оборудование завода было поставлено на другие аналогичные предприятия (заводы “Прима”, “Молния”, “Кеневича в Копцевичах”, “Каплана в Речице”). Вертикальный двигатель системы “Пиккер”, паровые котлы, древесошильные машины, распарочные котлы, штамповые станки и др. в ходе эксплуатации подвергались ремонту и усовершенствованию. Кроме того, при отступлении польских войск в 1920 г. значительная часть оборудования была разграблена или уничтожена. Но ввиду отсутствия доказательств этих процессов, имущество завода было предписано упаковать и вернуть бывшему владельцу, проживавшему на тот момент в Польше [6]. Хотя это решение и вызвало протесты со стороны Мозырьского управления “Западолеса”, в подчинении которого находилось бывший завод М.М. Чуднера [5, л. 162]. И только при непосредственном участии председателя российско-украинской делегации П.Л. Войкова и полномочного представителя БССР в Москве М.И. Мороза была осуществлена транспортировка динамашины и паровых двигателей.

Согласно отчету польской делегации в Смешанной реэвакуационной комиссии, в ходе работы польская сторона смогла вернуть 23 промышленных предприятия, на общую сумму 1 895 000 злотых. На 17 мая 1924 г. в Польшу было направлена 29 вагонов с фабриками акционерного общества “K. Rudzki i S-ka (Рудский и компания)”, 19 вагонов акционерного общества “Rohn, Zielinski i S-ka”, оборудование фабрики “Ю.Л. Гиршовича”, “М. Русевича и Л. Кривицкого”, “Cerata”, “Gettlich, Geyer i Herbst”, “A. Fajgenbaum”, “M. Czudner”,

“G. Szyller”, “Wola”, 4 винокурни. Претензии польской делегации по возвращению частной собственности насчитывали 352 единицы (промышленные предприятия), 29 заявлений на реэвакуацию частной железной дороги (фабрично-лодзьская, дорога Хербы-Кельц), 1000 сельскохозяйственных заявлений на 40 000 коней и крупного рогатого скота, 720 заявлений частной собственности домохозяев, 47 паровых механизмов, 38 автомобилей, 4 велосипеда были удовлетворены советской стороной [15].

Для осуществления поиска по местонахождению объектов промышленности Комитетом по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНХ была разработана “Анкета о предприятиях, эвакуированных в период 1914–1917 гг. с территории Латвии, Литвы и Польши”. Владельцам заводов необходимо было заполнить 13 пунктов, приложить имеющиеся документы и данные об эвакуированном имуществе, после отослать анкету на адрес ВСНХ. При помощи рассылки анкет на места были разысканы завод щетины Х. Шварцберга и Э. Бравермана (из Белостокской губернии), гидротехническое оборудование компании “Рыхловский Вер и Ко”, винокурный завод Я. Невельского, фабрика коньяка “Империал” [6, л. 120–124].

Что же касается реэвакуации железнодорожного имущества, то во время работы Рижской мирной конференции было решено, что российско-украинская сторона передаст полякам 300 паровозов, 260 пассажирских вагонов, 8100 товарных вагонов (Варшавско-Веденская железнодорожная линия, часть Надвисленской и Северо-Западной линий). Содержалось требование вернуть все паровозы стандартной колеи. В свою очередь состав широкой колеи оставался за советской стороной. В ходе заседаний Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии число реэвакуированного железнодорожного имущества было уменьшено. В итоге в Польшу должны быть направлены 124 паровоза, 5 почтовых паровозов, 15 шасси локомотивов, 2 комплекта железнодорожных колес, 27 товарных вагонов. Как отмечает П.Л. Войков, паровозы были очень повреждены, разграблены, “их ремонт с переоборудованием на стандартную колею являлся бы не только техническим, но и экономическим абсурдом” [18]. “Паровозный лом” не

представлял интереса ни для РСФСР, ни для УССР, его себестоимость в лучшем случае составляла 6 по 2 р. за пуд. Часть паровозов было зачислено в инвентарь российских железных дорог, так как не могла быть реэвакуирована.

Относительно имущества частных железных дорог (железнодорожных обществ и объединений: Лодзьская фабричная линия, линия Хербы-Кельце, узкоколейная железная подъездная дорога акционерного общества “Варшавская подъездная железная дорога”, акционерное общество строительства и эксплуатации подъездной железной дороги, общество Блонской подъездной железной дороги и др.) на заседаниях комиссии разгорелись жаркие споры. После многочисленных прений и отказов со стороны российско-украинской делегации вернуть железнодорожного имущества на общую сумму 16 723 243 р. 39 к., сумма была сокращена, что составило 18,4 % от первоначальных требований.

Реэвакуация сельскохозяйственного имущества была еще более проблемной. Первоначальные требования польской стороны в 40 000 коней, в том числе 8000 коней чистой породы, 14 000 единиц расовой скотины, 9500 расовых овец, возвращение Государственной конюшни из Яново с питомником (в 1915 г. был эвакуирован в Харьковскую область). Как отмечает П.Л. Войков, так как Рижский договор не указывает каким образом должна происходить выплата компенсации за падеж скота во время военных лихолетий, то число польских претензий может быть значительно уменьшена или отвергнута вовсе. Ввиду сложности поиска по местонахождению данного вида сельскохозяйственного имущества, было решено отказаться от выполнения требований польской делегации.

Особой спецификой отличалась работа библиотечно-архивной части Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии. Она потребовала не только значительного временного промежутка (до 1929 г.), но и привлечение значительного количества экспертов, дополнительного финансирования для отбора, реставрации и дальнейшей подготовки к транспортировке ценнейших культурных артефактов. В итоге: большинство претензий польской делегации было удовлетворено или решено полюбовно путем предоставления равно-

ценного эквивалента. Вместе с тем на некоторые польские требования было отказано. Это касалось, в частности, Литовской Метрики, Киевского центрального исторического архива. Эксперт российско-украинской делегации В.И. Пичета, в своих записках отмечал, что Литовская Метрика для белорусов и литовцев является таким же памятником былых времен, как и Коронная Метрика для поляков [1, л. 13–17].

Среди архивных сборов, перечисленных в “Меморандуме к требованиям польской делегации в Смешанной польско-российско-украинской специальной комиссии по выдаче архивов бывшей Гродненской, Виленской и части Волынской и Минской губерний”, подготовленного в марте 1922 г. [7, л. 63], указываются управление Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства (включая часть, касающейся Ковенской губернии), канцелярии генерал-губернатора Виленского, Гродненского; губернские правления и их отделения, губернские присутствия, губернские статистические комитеты, полицейские управления губерний Виленской и Гродненской, а также в части, касающейся польской территории Волынской и Минской губерний; канцелярий губернских предводителей дворянства и Дворянских депутатских собраний губерний Виленской, Гродненской и части, касающейся польской территории Волынской и Минской и др.

Центральный архив при ВЦИК РСФСР 19 июня 1924 г. сообщал в Центральный архив БССР, что “перед СССР стал вопрос о передаче польскому правительству архивов государственных и общественных организаций Минской губернии в той части, касающейся современной Польши”. Для проведения экспертизы ценности реэвакуированного материала в Минск командировался сотрудник Централархива РСФСР С.К. Богоявленский [8, л. 59]. Согласно донесениям последнего в Центральный архив БССР 27 июня 1924 г., произошло обследование архивного фонда и выделено значительное количество документов бывшей Минской губернии (Новогрудский и Пинский уезды), которые должны быть переданы Польше по ст. XI Рижского договора. “Возлагаю на ведомство ответственность (Централархив БССР), в распоряжение которого находится этот материал, считаю, что ему необходимо будет провести сложную работу по выборке

необходимого архивного материала с общей массы архивных фондов” [8, л. 446].

Российско-украинская делегация в Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии сообщала в Централархив БССР, что на основе Постановления Смешанной специальной комиссии от 27 июня 1923 г. и Соглашения Председателей делегаций СССР и Польши от 10 июля, будут возвращены в БССР, вывезенные из Минска архивные материалы бывшего Минского управления Государственного имущества. “Отмеченные материалы в настоящее время польской стороной уже отобраны и находятся в Варшаве. Польская делегация предлагает следующий план их передачи: представитель Польши и уполномоченный делегации СССР – сотрудник полномочного представительства СССР в Польше опечатывают – без предварительного осмотра – этот материал своими печатями, после чего они отправляются в Минск на адрес Белорусского Централархива” [9, л. 153].

29 декабря 1928 г. Центральное архивное управление сообщала в Президиум ЦИК БССР об окончании работы по подготовке архивных документов для передачи их польской стороне (“сшиты в 255 кулей, запломбированы таможней и находятся в Централархиве до получения разрешения от НКВД СССР на их отправку за границу”) [10, л. 22]. Передача документов произошла 11 января 1929 г. на ст. Негорелое в присутствии представителя от советской стороны М.А. Цевелюка и польской – В. Кожуховского, заместителя заведующего Централархива БССР М.В. Мелешко, Негореловской таможи – М.И. Даниловича, Главлита БССР – А.В. Крыловича. В общем количестве 44 связки и 7621 дела, упакованных в 259 дорожных кулей и опломбированы [10, л. 17].

Польская делегация в отчете комиссии отмечала сложности, с которыми столкнулась, что стало причиной того, что значительная часть архивного, библиотечного и музейного наследия осталось на территории СССР. Среди препятствий отмечаются: 1) формалистическое интерпретирование статей Рижского договора советской стороной, которая даже при предоставлении поляками достаточной документальной базы, требовала указать точное местонахождение той или иной коллекции,

предмета; 2) негативные отношения советской делегации к Польше, различные задержки в работе, уход от рассмотрения дела. 3) оспаривание права Польши на возвращение части Коронной Метрики (Волынская метрика, сборы Кременецкого лицея, Народного дома *Staurorijga* во Львове и др.). В итоге деятельности комиссии произошло 235 заседаний с оформлением протоколов, из них – 48 пленарных. К этому числу необходимо добавить встречи в ежедневном формате председателей делегаций, членами и экспертами [15].

В Польшу вернулись рукописи В. Кадлубка, Я. Длугоша, Р. Гайденштейна, Я. Ожельского, Ю. Лубенского, Я. Кобежицкого, М. Раддивилла, А. Нарушевича, Я. Лелевеля и других. В Польшу было направлено 31,5 вагонов, 4019 коробок и связок: 1) исторические архивы – 710 коробок и связок – *Archiwum “Generale Regni”*, часть Коронной метрики, *Libri Legationum*; 2) административные архивы – 2702 коробки и связки. Государственные акты по крестьянским делам, гминной и губернской администрации по всем губерниям Королевства Польского, акты магистратов городов, акты канцелярии Варшавского генерал-губернаторства, документы из *Archiwum Akt Dawnych* в Варшаве, документы судовых инстанций, почтово-телеграфных учреждений, фабричных инспекторов Западного Горного округа, частично железной дороги, Варшавского комитета по делам цензуры, церковное имущество; 3) часть неадминистративных архивов – 607 коробок и связок [18, s. 86].

Обсуждение. В рамках исследования удалось доказать, что деятельность Польско-российско-украинской реэвакуационной и специальной комиссии в 1921–1929 гг. на территории Беларуси находилась в прямой зависимости от существующего расклада советско-польских отношений. Напряженность двусторонних связей отображалась в работе комиссии. Процесс реэвакуации имущества не был односторонним, как это было принято считать в польской историографии. Польская делегация вместе с выставлением требований по возвращению того или иного предмета активно участвовала в процессе реституции архивного и библиотечного наследия. Несмотря на тот факт, что многие польские претензии так не были удовлетворены, в ходе работы

Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии были найдены пути решения спорных вопросов путем предоставления равноценного эквивалента.

Несмотря на значительную источниковую базу исследования, ее частичную публикацию, не произошло научного осмысления деятельности Смешанной комиссии, не были введены в научный оборот многие архивные материалы. Проблемный и во многом спорный характер работы комиссии накладывал свой отпечаток. Неизученными оставались документы Комитета по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНГ РСФСР по причине их разрозненности и несистематизированности. Проблема имеет широкий исследовательский потенциал за счет привлечения новых источников.

Заключение. Рижский мирный договор заложил основы мирного сосуществования Советских республик и Польши. Понятно, что одним юридическо-правовым актом нельзя выстроить систему дружеских и стабильных двусторонних связей, для этого потребовались годы существования на грани войны и мира, с наличием величайшего чувства враждебности в обществе и руководстве двух стран. Внешнеполитические ведомства Польши и РСФСР (СССР), учитывая общий курс страны и общую ситуацию в Центрально-восточноевропейском регионе, пытались наладить взаимоотношения, снять напряженность и построить эффективную модель решения проблем. Деятельность Смешанных комиссий (реэвакуационной и специальной, репатриационной, пограничной, военно-согласительной и др.), предусмотренных для практического выполнения Рижского договора и Соглашения о репатриации, явно демонстрировала не стремление сторон к компромиссу, отсутствие схемы решения спорных вопросов. Это вызывало не только задержки в их работе, но и угрожали разрывом дипломатических отношений. Несмотря на данные тенденции, польской стороне были возвращены многие промышленные и сельскохозяйственные объекты, имущество железных дорог и частных лиц, библиотечные, музейные и архивные коллекции.

В ходе функционирования Польско-российско-украинской реэвакуационной и специальной комиссии на территории Бе-

ларуси в 1921–1929 гг. заметно желание белорусского советского руководства не подчиниться решениям советской делегации, уклониться от реэвакуации того или иного имущества. БССР, экономически истощенная последствиями военных действий, остро нуждалась в средствах для восстановления. Поэтому извлечение из ее недр тех

или иных богатств требовало аналогичной замены. После передачи польской стороне промышленного имущества и архивных сборов, руководство страны инициировало процесс возвращения на ее территорию эвакуированных заводов и фабрик, архивных материалов с других Советских республик.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0384. Оп. 1. П. 102. Д. 17658.
2. Гернович Т. Д. Роль М. К. Любавского в решении проблемы перемещенных архивов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2013. № 8. С.204–209.
3. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. Москва, 1959. 723 с.
4. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 4 : 19 марта – 31 декабря 1921 г. Москва, 1960. 836 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 122.
6. НАРБ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 325.
7. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 1.
8. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 6.
9. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 7.
10. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 8.
11. XI статья Рижского мирного договора в судьбе белорусского архивного наследия // Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя з дня утварэння БССР): матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 549 с. С.213–220.
12. Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. Москва: Наука, 1974. 288 с.
13. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Минск, 1997. С.212–223.
14. Borowy W, Batowski Z. Odzyskane zbiory rękopisów i grafiki w Bibliotece Uniwersyteckiej w Warszawie. Warszawa, 1925. 12 s.
15. Dokumenty dotyczące akcji Polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie. T. 1–9. Warszawa, 1922–1924.
16. Grochowska M., Nykiel Kinga B. Krosnowski Stanislaw Maciej // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/krosnowski-stanislaw-maciej> (дата обращения: 15.01.2022).
17. Handelsman M. Z dziejów walki o zabytki polskie w Moskwie. Biblioteka Załuskich // Przegląd Współczesny. 1922. № 7–8. S. 267–278.
18. Kumaniecki J. Tajny raport Wojkova czyli radziecka taktyka zwrotu mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim. Warszawa, 1991. 194 s.
19. Kuntze E. Układy o zwrot Biblioteki Załuskich, karta z dziejów odzyskania z Rosji Polskiego mienia kulturalnego. Lwow, 1930. 129 s.
20. Matelski D. Losy Polskich dybr kultury: od czasów nowożytnych do współczesnych: archiwa, księgozbiory, dzieła sztuki, pomniki. Poznań, 2003. 663 s.
21. Suchodolski W. Wykonanie art. XI traktatu ryskiego w zakresie archiwów państwowych // Archeion. T. 1. 1927. S. 67.
22. Tomkowiak K. Udział Zygmunta Mocarskiego w pracach rewindykacyjnych polskich zbiorów bibliotecznych z Rosji (1922–1923) // Folia Toruniensia. 2018. № 18. S. 57–87.
23. Tyszkowski K. Z dziejów rewindykacji. Lwow, 1924. 34 s.

THE ACTIVITIES OF THE POLISH-RUSSIAN-UKRAINIAN MIXED REEVACUATION AND SPECIAL COMMISSION ON THE TERRITORY OF BELARUS 1921-1929

The article considers the work of the Mixed Polish-Russian-Ukrainian re-evacuation and special commission in 1921-1929, its Belarusian problems, draws attention to the direct connection of its activities with the general state of Soviet-Polish relations. The study was carried out using the principles of historicism and objectivity, special historical methods, based on a wide source base. Most of the used historical sources were first introduced into scientific circulation. During numerous meetings of the commission, re-evacuation claims were voiced, and the necessary documentary evidence was presented. Partially, the requirements of the parties for the return of this or that property were satisfied, or compensated for by appropriate equivalents. On the territory of Belarus, the Mixed Re-evacuation and Special Commission was represented as part of its parts: the subcommittee on industry, property of individuals, the library and archive subcommittee, the functioning of the Committee on the Re-evacuation of Foreign Enterprises under the Supreme Economic Council of the RSFSR. The process of re-evacuation of property in accordance with the articles Riga Peace Treaty provoked the desire of the Belarusian Soviet leadership to return industrial enterprises and archival funds evacuated at the beginning of the First World War and located at that time on the territory of other Soviet republics.

Keywords: re-evacuation, Mixed Commission, archival heritage, restitution, Committee for the Re-evacuation of Foreign Enterprises.

References

1. Archiv vneshej politiki Rossijskoj Federacii [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. F. 0384. Op. 1. P. 102. D. 17658.
2. Gernovich, T.D. (2013). Rol' M.K. Lubavskogo v reshenii problem peremeshennykh archivov [The role of M.K. Lyubavsky in solving the problems of displaced archives]. *Istochnikovedenie i specialnye istoricheskie discipliny [Source study and special historical disciplines]*, 8, 204–209.
3. Dokumenty vneshej politiki SSSR [Foreign policy documents SSSR]. (1959). V 24 t. T. 3: 1 July 1920 – 18 March 1921. Moskva. 723 s.
4. Dokumenty vneshej politiki SSSR [Foreign policy documents SSSR]. (1960). V 24 t. T. 4 : 19 march – 31 decembre 1921. Moskva. 836 s.
5. Nacyonalnyj archive Respubliki Belarus [National Archives of the Republic of Belarus] (NARB). F. 15. Op. 1. D. 122.
6. NARB. F. 63. Op. 1. D. 325.
7. NARB. F. 249. Op. 4. D. 1.
8. NARB. F. 249. Op. 4. D. 6.
9. NARB. F. 249. Op. 4. D. 7.
10. NARB. F. 249. Op. 4. D. 8.
11. IX statja Rigskogo mirnogo dogovora v sud'be belorusskogo archivnogo nasledija. (2008). [Article XI of the Riga Peace Treaty in the fate of the Belarusian archival heritage]. *Belarus: etapy stanovlenija gosudarstvnnosti (k 90-letiu so dnja sozdanija BSSR) [Belarus: stages of the formation of statehood on the occasion of the 90th anniversary of the creation of the BSSR]*, 549, 213–220.
12. Olshanskij, P.N. (1974). Rigskij dogovor i razvitie sovetsko-polskich otnoshenij 1921-1924 [The Treaty of Riga and the development of Soviet-Polich 1921-1924]. Moskva. 288 s.
13. Restitucija kulturnych cennostej: problem vozvrachenija i sovmesnogo ispolzovanija (urudicheskije, nauchnyje i moralnyje aspekty). (1997). [Restitution of cultural property: problems of return and sharing (legal, scientific and moral aspects)], 212-223.
14. Borowy, W, Batowski, Z. (1925). Odzyskane zbiory rękopisyw i grafiki w Bibliotece Uniwersyteckiej w Warszawie. Warszawa. 12 s.
15. Dokumenty dotyczące akcji Polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie. (1924). T. 1–9. Warszawa.
16. Grochowska, M., Nykiel Kinga, B. (2017). Krosnowski Stanislaw Maciej. Retrieved 15 January, 2022 from <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/krosnowski-stanislaw-maciej>.
17. Handelsman, M. (1922). Z dziejow walki o zabytki polskie w Moskwie. Biblioteka Załuskich. *Przegląd Współczesny*, 7–8, 267–278.
18. Kumaniecki, J. (1991). Tajny raport Wojkowa czyli radziecka taktyka zwrotu mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim. Warszawa. 194 s.
19. Kuntze, E. (1930). Układy o zwrot Biblioteki Załuskich, karta z dziejow odzyskania z Rosji Polskiego mienia kulturalnego. Lwow. 129 s.
20. Matelski, D. (2003). Losy Polskich dybr kultury: od czasyw nowożytnych do współczesnych: archiwa, księgozbiory, dzieła sztuki, pomniki. Poznań. 663 s.

21. Suchodolski, W. (1927). Wykonanie art. XI traktatu ryskiego w zakresie archiwów państwowych. *Archeion*, 1, 67.
22. Tomkowiak, K. (2018). Udział Zygmunta Mocarskiego w pracach rewindykacyjnych polskich zbiorów bibliotecznych z Rosji (1922–1923). *Folia Toruniensia*, 18, 57–87.
23. Tyszkowski, K. (1924). Z dziejów rewindykacji. Lwów. 34 s.

Об авторе

Боровская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр всеобщей истории, международных отношений и геополитики, Институт истории НАН Беларуси (Беларусь), E-mail: Borovskaya-olga@mail.ru.

Borovskaya Olga Nikolaevna – PhD of History, Institute of History the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus), senior researcher Center of World History, International Relations and Geopolitics, E-mail: Borovskaya-olga@mail.ru.